

УДК 1

**ПОСИЛЬНО ЛИ
ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ
АДЕКВАТНОЕ
СОВРЕМЕННОСТИ
ТОЛКОВАНИЕ ДИАЛОГА
И ТОЛЕРАНТНОСТИ
МИРОВОЗЗРЕНИЙ?**

Билалов Мустафа Исаевич

Доктор философских наук,
профессор, Дагестанский государственный
университет, г. Махачкала,
e-mail: mibil@mail.ru

Глобализация не только обостряет вопрос о диалоге культур и мировоззрений, их толерантного взаимодействия, но и требует современного и адекватного сложным перипетиям общественно-политической жизни толкования. Этим вопросам был посвящен VII Российский философский конгресс «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений». Это был своеобразный смотр гуманитарной науки, потому актуален вопрос: насколько она способна осмыслить и решать глобальный кризис раскола человечества на ценностной основе?

Ключевые слова: социальная философия, философия культуры, философская антропология, диалог, полилог, толерантность, ценности.

**WHETHER FEASIBLY
TO THE HUMANITY
OF THE ADEQUATE PRESENT
INTERPRETATION
OF DIALOGUE
AND TOLERANCE
OF OUTLOOKS?**

Bilalov Mustafa I.

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Dagestan State University,
Makhachkala,
e-mail: mibil@mail.ru

Globalization not only aggravates a question of dialogue of cultures and outlooks, it is tolerant interaction, but demands interpretation modern and adequate to difficult peripetias of political life. The VIIth Russian philosophical congress was devoted to these questions «Philosophy. Tolerance. Globalization. The East and West-are dialogue of outlooks». It was a peculiar review of humanity, therefore topical issue: as far as it's capable to comprehend and solve global crisis of split mankind on valuable basis?

Keywords: Social philosophy, Culture philosophy, Philosophical anthropology, dialogue, polylogue, tolerance, value.

Трагическая ночь 13 ноября 2015 г. в Париже. До этого – теракт в Бейруте. 147 человек стали жертвами нападения террористов на университетское общежитие в Кении в апреле этого года. СМИ негодуют, осуждают, обсуждают, предлагают. Политики разных стран пытаются объединить усилия в борьбе против террористов. Эксперты науки, религии, философии единодушны: основная причина многих кровопролитий современности – глубокий раскол человечества в сфере ценностей. И что делать дальше? Многие надежды связаны с рецептами философов. Глобализация обусловила рост влияния философии как важнейшего фактора общественной жизни, поскольку высветила всеобщие и универсальные стороны развития человечества, которые составляют очевидный предмет философии. Осмысливая прошлое и будущее человеческой истории, философы все чаще приходят к выводу, что навязывание единой цивилизационной модели губительно для человеческой эволюции, и неизбежный диалог культур, вероисповеданий и философских мировоззрений должен происходить при признании и уважении к иной религии и культурной идентичности [1, с. 17]. Как видите, проблема актуальна не только для Дагестана, но и для каждой страны, региона, нации, этноса и каждого индивидуального бытия.

«Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений» – таково было преломление этой актуальной темы на VII Российском философском конгрессе, проходившем в октябре 2015 г. в Уфе. В нем приняли участие около 1,5 тыс. ученых из более 70 субъектов РФ и 21 страны мира, в том числе Казахстана, Китая, Турции, Франции, Ирана, Израиля, Испании, Бельгии и др. Этот конгресс не был самым многочисленным. Для сравнения: 10 лет назад IV Российский философский конгресс «Философия и будущее цивилизации» собрал в Москве 2250 участников из разных городов России и гостей из 33 стран. Тем не менее он был «репрезентативным» – в Уфе произошел своеобразный смотр современной гуманитарной науки, по крайней мере ее отечественной части, ее актуальности и способности реагировать на вызовы современности. Или, может, действительно, надо идти по пути создания более надежного и выверенного методологического инструментария, и становится «востребованной универсальная метатеория глобальных кризисов» [2, с. 35].

Философский конгресс проходил в конгресс-холле, специально построенном для встречи глав государств БРИКС и стран ШОС. Ведущим пленарного заседания был президент Российского философского общества академик РАН В.С. Степин. С приветственными словами к участникам обратились глава Республики Башкортостан Р.З. Хамитов;

посол Ирана в РФ доктор политологии Мехди Санаи; почетный президент Международной федерации философских обществ профессор И. Кучуради (Турция); генсекретарь МФФО профессор Л.М. Скарантино (Италия) и др. На конгрессе было зачитано приветствие главы РД Р.Г.Абдулатипова, что подчеркнуло знаменательный факт проведения форума подобного уровня впервые в национальной республике.

В течение недели представители философских школ дискутировали в рамках 26 секций и 29 круглых столов, а также 2 международных конференций по вопросам выстраивания надежных оснований диалога между Западом и Востоком в эпоху глобальных процессов. Обсуждение было сконцентрировано на онтологических, эпистемологических и аксиологических проблемах диалога культур, перспективах развития научно-практического знания в эпоху коммерциализации информации. Также обсуждались межнациональные и межконфессиональные отношения, вопросы коллективной памяти и идентичности. Интересна была панельная дискуссия, которую провели академики РАН В.С. Степин, директор Института философии РАН А.А. Гусейнов и чл.-корр. РАН А.С. Запосецкий на тему «Коммерциализация знаний как проблема развития культуры». Интерес участников конгресса вызвали доклады доктора философии, профессора Иоанны Кучуради (Турция) на тему «Соблюдение прав человека как важнейшее условие преодоления проблем современного мира», Сильви Бродзиак (Франция) – «Глобализация и ее влияние на педагогический процесс».

Из 26 секций конгресса, только 8 рассматривали проблематику онтологии, гносеологии, логики и других вопросов классической философии, связанных с естествознанием. По этим проблемам было подано 348 докладов – 26 % всех 1300 заявок. Много докладов по социальной философии (207), истории философии (137), философии культуры (116), философской антропологии (85), философии образования (81), философским проблемам глобализации (60) и т.п. Это свидетельство научного интереса российских философов преимущественно к проблемам общественно-политической жизни, нежели к вопросам мироздания и познания. Так или иначе, эти вопросы связаны с настоящим и будущим людей, но в нашем кратком обзоре коснемся проблем, имеющих непосредственное отношение к региональной специфике (Юга России) общественной жизни.

Обсуждение состояния и перспектив современного социума велось в широком диапазоне. Для успешного функционирования экономики А.Г. Пырин [3], ссылаясь на Д.И. Менделеева, настаивает на «демографическом дивиденде» для России в 500 млн человек. Регрессив-

ные процессы современной России объясняют и тем, что во всех сферах господствуют посредственные люди (медиократы), когда «не народ голосует, а электорат, когда от демократии не осталось и следа» (И.А. Гобозов). Не в последнюю очередь наши беды связаны с коррупцией, оказывается, можно говорить об уровнях коррупционной культуры и выделить массовый, групповой и индивидуальный уровни (К.В. Луговцев). Пожалуй, эти уровни основательно пронизывают весь Дагестан, в той или иной степени все регионы России.

Как лечить больные общества России? Не только на секции социальной философии, но и на многих других было заметным неприятие либеральной демократии, навязанной России в ельцинские смутные времена. «Либерализм не является моделью общества справедливости, но это очередная утопия, не способная к реализации» (Р.А. Ильясов). «Раскольной» ценностью здесь оказалась свобода, которая на конгрессе предстала как ключевая проблема. О трех уровнях свободы – витальном (животном), социальном и человеческом – размышляет А.В. Павлов в свете теории вполне человека (Ю.Л. Дюбенюк), которая, кстати, судя по частоте упоминаний на конгрессе, получает популярность. Особо остра дискуссия вокруг противоположных – западного и восточного – понимания и культивирования свободы. «Цивилизационные парадигмы свободы различны. Для человека “гражданского” как представителя Запада характерно институциональное представление о свободе, которая гарантируется не только правовым государством, но и системой институтов гражданского общества. Для человека Востока свобода – это прежде всего внутреннее духовное состояние, соответственно, практики ее реализации будут формировать иную цивилизационную архитектуру гражданского общества. Именно по тому, как человек идентифицирует свою свободу, можно идентифицировать его цивилизационную принадлежность» (Ю.Г. Карагод). Та же важнейшая для человека ценность является стержневой проблемой взаимной терпимости народов и диалога культур, и не только Запада и Востока. О принципиальном различии толкования свободы в классическом либерализме и марксизме пишет Р.А. Ханаху, отмечая преимущества марксизма и его «понимание свободы не столько на индивидуальных, сколько на коллективных правах».

Тон о ценностных противостояниях Запада и Востока, по существу, был задан в приветствии и на пленарном заседании конгресса. Примечательна речь главы Башкортостана Р. Хамитова при открытии конгресса. «Нам хорош и Запад со своим разумным порядком, эффективностью, технологиями, и Восток с его общинностью, “чувством локтя”, философией взвешенного и поступательного развития, – отметил

руководитель республики. – Сильные стороны восточного менталитета – коллективизм в работе, эмоциональность, умение сопереживать и помогать ближнему – мы должны обогатить, усилить бесспорно положительными чертами западной культурной модели – здоровым прагматизмом, нацеленностью на успех и достижение во всем высокой эффективностью, умением добиваться намеченного результата». Р. Хамитов выразил обычную восточную скромность, готовность продолжить характерный отечественной политике реальный диалог России по заимствованию всего позитивного из европейской цивилизации. Примеров подобного шага политиков со стороны амбициозного Запада в сторону Востока трудно припомнить.

Весьма популярным остается поиск рецептов и механизмов выхода из кризисных сфер российской действительности в прошлом народов, в их духовном наследии. Возможно, подобный поиск характерен только для национальных республик, в частности на Юге России. Такая политика инициирована и активна в Дагестане, особенно с приходом в его руководителя Р.Г. Абдулатипова. «Государство – намного больше чем власть. Государство – это твои предки. Их нельзя подводить. Большинство наших сегодняшних проблем – пустяки по сравнению с тем, что выпало на долю предыдущих поколений, – пишет С.Н. Лапина. – Если ты хоть немного знаешь, через что они прошли, тебе легче принимать решения, у тебя появляется уверенность в своих силах. Ты начинаешь соотносить свои действия с их судьбой, лучше понимаешь прошлое, свою страну и самого себя. Все это происходит при помощи обычаев и традиций этноса». И, конечно же, в системе исторического наследия участники конгресса особо выделяют религию. Высоко оценивает воздействие религиозной морали как ценностно-ориентирующего начала на семью Н.Р. Мингазова, усматривая в семье как духовном и нравственном событии, имеющем источником своего бытия ритуал и трансцендентную устремленность «к миру абсолютных и вечных ценностей».

Разумеется, все эти мнения не полностью отражают потенциал социальной философии как научной дисциплины, тем не менее есть критики ее нынешнего состояния. 5 познавательных трудностей в развитии социальной философии за последние два века отмечает А.Б. Рахманов: антиномии социологизма и натурализма, эссенциального монизма и эссенциального плюрализма, редукционизма и феноменализма, интернализма и экстернализма, антиисторизма и исторического релятивизма. Отмечалась также невостребованность социальной философии, из-за чего за последние 5–7 лет количество публикаций далеко

уступает публикациям по эпистемологии и философии науки, в исследованиях общества «исчез концептуальный и идеологический стержень, каковым являлся марксизм», у молодежи царит хаос во взглядах на общество, в «подходе к социальным проблемам стал преобладать антропологический подход» (С.П. Иваненков).

А что же философская антропология? Кстати, одним из руководителей этой секции была представитель Юга России – декан Астраханского госуниверситета профессор Л.В. Баева. Другой представитель Юга России – профессор ЮФУ, руководитель Донского философского общества профессор Т.Г. Лешкевич организовала и провела симпозиум «Цивилизационная парадигма и проблема смысложизненной рефлексии», и если учесть, что автор этих слов руководил секцией и круглым столом, то вклад философов региона в организацию и проведение уфимского конгресса можно считать вполне достойным. Об этом свидетельствует и высокая оценка РФО их деятельности, вручением им почетных грамот и благодарностей. Так вот, о философской антропологии – и у нее как философской дисциплины есть критики. О потере ею своего канонического образа пишет П.С. Гуревич. «Прежний предмет философской антропологии – человек – стал утрачивать очертания, размываться, замещаться следами, деталями, из-за чего в ней “произошел галактический взрыв”»: она распалась на необозримое число “антропологий”: политическая, культурная, социальная, педагогическая, религиозная». Идею суверенного индивида считает особо значимым предметом философской антропологии В.А. Конев, приветствуя антропологический поворот в культуре XX в., придавший этой идее «новый ценностный смысл – самоценность жизни, индивидуальности и свободы». Проблема свободы оказалась в центре внимания и на этой секции. Рассматривая свободу как экзистенциальную составляющую личности, Л.С. Соловьева предлагает отличать ее от свободы выбора и свободы воли, поскольку только свобода, пронизывающая «все уровни и формы жизнедеятельности человека», спасет его от «антропологической пустоты».

Одним из выводов секции философской антропологии явился тезис о разложении современной социальной структуры развитых стран на атомарные структуры и индивиды. Оригинальный аспект тематики конгресса зафиксировала В.С. Невелева. «Необходимость диалога мировоззрений обусловлена не только различиями социокультурных характеристик макромира современных людей. Разномирие имеет место и на уровне индивидуального бытия, будучи заданным объективными различиями природы конкретных людей. Такие природные различия существуют между “номадом” и “оседлым” человеком». Автор терми-

ном “номад” (кочевник) акцентирует философско-антропологическое исследование на парадоксальности мышления и действия, процессуальности, неустойчивости, случайности, сингулярности современного человека, ризоматичности его жизненного мира и креативном его потенциале, что превращает проблему диалога мировоззрений на уровне макромира в проблему повсеместного толерантного существования номада с людьми противоположной мироорганизации. Интересен для северокавказской, в частности, дагестанской жизни, где позиции семейных устоев все еще основательны, и рост числа неполных семей в западном мире – так, в США они составили 92 % всех семей. Понятно, что уже этот факт свидетельствует о коренных изменениях в общественной роли женщины. Новые тенденции в жизни российской женщины подчеркивает Л.Г. Мезина, размышляя о словосочетании «женщина-автомобилист»: «Освоив автомобиль, женщина расширила свои возможности в профессиональной сфере, стала более мобильной в жизни, свободней, устремленной к новизне, драйву, впечатлениям, событийности и инаковости своего бытия...»

Ну где еще развивать идею диалога культур, если не на секции философии культуры? Тенденцию перехода от диалога к полилогу культур обосновывает В.И. Исмаилов в докладе «Межкультурный полилог в современном глобализирующемся мире». Отталкиваясь от идеи В.С. Библера о возникновении диалогического разума и парадоксальной логики как бродила и фермента нового «осевого времени», утверждает, что «это будет не диалог, а полилог смыслов. Полилог есть не только диалог между многими, но характеризует саму суть диалогического разума, где будут соединены разные, прямо противоположные смыслы бытия, где движение вперед будет оборачиваться возвращением к истокам. Этот полилог станет логикой “актуализации всеобщего смысла бытия”». Автору данной статьи эта мысль близка, она выстрадана многолетними размышлениями в сфере теории познания, итогом которых явился пленарный доклад на конгрессе «Философия истины в полилоге познавательных культур». Всеобщие выводы, составившие интерпретированную нами философию истины, представляются результатом предельного обобщения полилога многообразных разновидностей познавательных культур, питавших не только пару десятков концепций истины, но и значимых идей, не зафиксированных в них. Но поиск диалога и полилога не столь результативен в онтологических и гносеологических составляющих философии, как в сфере социума и культуры.

Что еще было интересным, на наш взгляд, в заявках на секции культуры? Акцент представителя многонационального и многоконфессионального региона в наших философских взглядах на общество не мог оставить равнодушными к беспристрастному анализу состояния этнического самосознания малочисленного народа из Алтая – кумандинцев, который представила М.М. Прудникова. В последний раз кумандинцы были учтены как отдельная народность по переписи 1926 г., затем в 2000 г. постановлением Правительства РФ опять учли их как отдельную народность со своим языком, а по переписи 2002 г. их стало чуть более трех тысяч, вдвое меньше по переписи 1926 г. Так вот, по опросам более 80 % кумандинцев гордятся своей национальностью, истоки которой (символы культуры, традиции, обычаи, язык, религия, территория) находятся в прошлом. Но 89 % кумандинцев ничего не предпринимают для изучения и сохранения самобытности своего народа. «И такое положение характерно для большинства малочисленных коренных народов России», – заключает М.М. Прудникова.

Возможно, для региональной культурной политики будет полезной также идея о необходимости успешно соотнести мемориальную культуру, «существующую в виде культурно-исторического наследия региона», с актуальной, создаваемой сегодня (А.Н. Сидоров). Соглашаясь с тем, что надо, чтобы «опора на историческую часть культуры региона стала базой для развития современной культуры региона», поддерживаем то, чтобы не превращать мемориальную культуру в вектор развития всей современной культуры. К сожалению, такой акцент в реальной дагестанской культурной политике зачастую преобладает.

Специфическим способом – через песенную культуру – осмыслено состояние современной России в следующем докладе. «...Прислушиваясь к песням, – пишет П.Ю. Нешитов, – можно составить понятие о ценностях народа, о владеющем людьми настроении, о вероятном будущем». В докладе «О чем поет Россия?» автор представляет любовь как главную тему современных песен. «Воспроизводится понимание любви как предельного наслаждения, высшего счастья, как цели, ради которой стоит пожертвовать всем остальным. Многие тексты свидетельствуют о кратковременности, обманчивости любовного пыла, проникнуты разочарованием, предчувствием охлаждения и неминуемой разлуки. В песнях о любви встречаются также мотивы игры, приключения, борьбы, торга. Семейная идиллия становится предметом воспевания редко». Патриотические песни часто сводятся к признаниям в любви к родным просторам, «иногда сопровождаются воспоминаниями о подвигах предков, размышлениями о величии государства и о личном

долге. Новое звучание патриотической темы обусловлено появлением националистических вариаций. В песнях о родине честный труд, справедливость, гражданская и творческая свобода отступают на задний план. Со стороны интонации в современной песне преобладают уныние, самоуверенность, ирония». Эти размышления не относятся к ненаучным или теоретически слабым текстам, хотя в трех томах материалов конгресса таковые встречаются. Отчасти они связаны с провинциализмом некоторых его участников, но глубокие и оригинальные идеи от той же «провинции» также нередки.

Секция этики обратила внимание на этику миграционных социумов в приграничных регионах России, секция эстетики – на необходимость эстетического компонента для политической толерантности многонациональных регионах. Здесь без единого эстетического чувства немислима сфера человеческого действия и поступка. Эти секции оказались самыми малочисленными как по заявкам, так и по очному участию заявленных. Большинство же прибыло в далекую от основных центров науки и образования России (Москва, Санкт-Петербург) Уфу для поддержания статуса Российского философского общества, около 80 его отделений, научной коммуникации, для установления новых профессиональных контактов, ознакомления научной общественности со своими трудами и исследовательскими результатами и т. д.

А что нового в философии религии? Размышления Л.В. Денисовой о религиозной и околонучной сотериологии натолкнули нас на следующую мысль. Если основное различие между ними, как утверждает автор, заключается в том, что «сотериология околонучного знания ведет речь о спасении некоторых, оставаясь сектантской идеологией, в то время как мировые религии сформировали концепции спасения всего человечества», то как оценить поступки современных шахидов, эгоистически озабоченных гарантированием потустороннего рая для себя? Значит, эти поступки не имеют ничего общего с исламом... Лучшему пониманию ислама в российском общественном сознании способствуют аргументы и доводы И.Г. Дорошиной («Вопрос гендерных отношений в исламе») в ее утверждении: «Женщина наряду с мужчиной с древнейших времен занимала важное место в жизни народов, исповедующих ислам, и играла большую роль в их социокультурном развитии». А вот утверждать, что «великое чудо» Корана заключается в возможности использовать его «как научный трактат», что «Коран – это научный труд, содержащий системные знания о разных сферах жизни» (Т.Р. Имаев), – своеобразная дискредитация Священного Писания мусульман. На наш взгляд, ни в этом упрощенном и часто встречающемся

представлении о Коране его предназначение, скорее – в социокультурных и нравственных ориентирах и идеалах устройства жизни человека. Только с благодарностью можно относиться к публикации В.Ю. Степанова о толерантности суфизма «едва ли не к любой системе религиозных идей», усматривая причину в метафизике суфизма. Уже два десятилетия в ряде работ эта идея обосновывается нами на основе онтологических и гносеологических особенностей исламского суфизма.

В тезисах, поданных на данную секцию, есть настойчивое, правда, не новое, утверждение о противостоянии религии вообще, христианства и православия в частности, глобализации (А.К. Погасий). Может, в этом кроется причина приведенной М.Б. Люскиным со ссылкой на ученых Питцерского университета статистики – он сообщает о 12-м месте России в списке 50 самых атеистических государств мира. В первой десятке – страны Скандинавии, Франция, Япония. «Практикующих православных в России – не более 3–5 %», – утверждает автор. Надо полагать, глобализация и есть фактор размывания целостности и устойчивости религиозных систем, но это вовсе не означает уместность отказа от регулирования религиозных отношений. В этой связи, на наш взгляд, весьма актуальный вопрос проблематизирует О.И. Сгибнева, приглашая содействовать становлению «новой модели государственно-конфессиональных отношений» в России. Пока же мы имеем противоречивую ситуацию, когда, с одной стороны, надо преодолевать традиции атеистического государства, с другой – государственной религии в многоконфессиональном государстве. И дело не столько в диалоге различных вероисповеданий между собой, но и в сближении науки и религии, философии и религии. Советуем обратить внимание на доводы Ю.В. Лоскутова о принципиальной совместимости в рамках целостного мировоззрения аутентичного православного богословия, выраженного в патристике, с марксистской философской традицией. Не просто диалог, а единство! В общей философии: непризнание бытия Бога в качестве вещи, «зачатки» эволюционизма, убежденность в бесконечности существования объективной реальности; в социальной философии: идея противоречивого характера социального прогресса, гуманизм, неприятие частной собственности и эксплуатации труда; в этике: принцип абсолютности добра и относительности зла, постулирование свободы морального выбора, взгляды на соотношение насилия и ненасилия, нравственный оптимизм.

И наконец, о перспективах философии религии рассуждают в разных тезисах З.П. Трофимова и О.М. Фархитдинова. По мнению первого автора, проблема философии религии в современном англо-

американском свободомыслии видится в развитии идеи «о создании “новой религии”, которая способствовала бы развитию человечества и была бы соморазвивающейся и открытой системой, связанной с реальным миром и его ценностями». О. Фархитдинова симптоматичными считает процессы экуменизма в конце XX в. и противоположные тенденции в начале XXI в., а также антиглобалистскую тенденцию, «которая в той или иной степени присуща всем мировым религиям».

Наша небольшая дагестанская философская делегация, в которую входили, кроме автора данной статьи, доцент ДГТУ А.Д. Дибраев, магистранты ДГУ Р. Разаханова и Д. Ферзалиев, была достаточно активной на конгрессе, все они выступили на соответствующих секциях. Кроме упомянутого пленарного доклада, которым удостоили Дагестан впервые за семь российских конгрессов, автор данной статьи руководил секцией «Теория познания», основная задача которой – диалог мировоззрений. Хотя становление классической философии питала мощная античная культура, другие ее европейские корни, но, согласитесь, оперируя всеобщими категориями, невозможно не объять многие концепции, мировоззренческие направления, разные познавательные культуры... Первый попавший на глаза доклад – «Проблема интуиции в эволюционной эпистемологии» (Л.Р. Данакари). Если эволюционная эпистемология – детище европейской философии, то осмысление в ней проблем интуиции невозможно без выхода философской рефлексии на просторы мировой, в особенности восточной, мысли.

Руководство секции (М.И. Билалов, Э.А. Тайсина и Н.А. Шергенг) с удовольствием предоставило слово известным философам В.И. Кудашову, Н.М. Солодухо, не заявленным с докладами, но проявившим интерес к ряду прозвучавших на секции докладов. Красной нитью докладов проходили проблемы релятивизации познания, расширение его эмпирического поля, трансформации субъектно-объектных отношений и др. – многое из того, что актуально в постнеклассической науке и постмодернистской культуре. Отрадно также, что слайдовое сопровождение становится нормой многих выступлений.

Из заявленных 58 по теории познания на конгрессе выступили 22 докладчика из городов Москва, Нижний Новгород, Казань, Омск, Махачкала, Красноярск, Уфа, Новосибирск, Оренбург, Самара, Санкт-Петербург, Волгоград, Сочи, Иркутск... География обширная, но число участников из года в год снижается – теоретико-познавательная проблематика растворяется в философии науки, истории философии, философии сознания, философии творчества, философии естествознания и др. Такое дробление гносеологии – процесс ожидаемый, но все же под-

готовка к конгрессу со стороны и организаторов-хозяев, и руководителей секции, и членов оргкомитета должна предусматривать некие усилия по консолидации видных специалистов вокруг актуальной темы, пленарных докладов и т.п. Это уже пожелание на следующие форумы.

Широту и разнообразие методологических подходов продемонстрировали Н.Н. Мартишина («Предметно-практическое знание как гносеологический таксон»), В.Г. Недорезов («От инструменталистской концепции истины к герменевтике субъекта в неопрагматизме»); интересную постановку проблематики предложили И.С. Кузнецов («Ничто как основание ученого незнания»), А.Р. Каримов («Философия метафоры»); оживленное внимание участников секции вызвали выступления Е.С. Бубнова («Проблема генезиса междисциплинарного подхода как инструмент сопоставления гуманитарных наук и естествознания»), Н.С. Коноплева («Специфика гуманитарного знания»), С.В. Панова («Трансцендентализм: стабилизация опыта и проблема формы»), В.Г. Заволотного («Матрица методов философии»). Успешными участниками первого в своей биографии крупного научного форума стали аспиранты ИФ РАН А. Катунин, Е. Труфанова, аспирант из Казани М. Солодухо, магистранты из Махачкалы Д. Ферзалиев, Р. Разаханова и др.

Несколько слов о круглом столе «Гражданское общество как цивилизационная стадия с региональными базовыми ценностями» под руководством автора данной статьи. В нем вместе с более 50 участниками конгресса активен был первый вице-президент РФО А.Н. Чумаков. По впечатлениям участников – при всем разбросе вопросов – о гражданской нации, о соотношении культуры и цивилизации, о месте религии в гражданском обществе, о роли политических традиций и т.п. – все же удалось провести главную методологическую идею круглого стола. Она состояла в том, что Россия и ее регионы не должны копировать Запад в своем движении к гражданскому обществу, им предстоит выработать свой вариант базовых принципов, соответствующих ментальности, культуре, экономическому укладу наших народов. В работе круглого стола красной нитью проходил тезис Н.В. Шихардина, который обнаружился и в тезисах секции «Философские проблемы глобализации»: «Что касается исламского мира, то он не скрывает неприятия таких универсалий западной цивилизации, как рациональность, демократия, индивидуализм. Было бы ошибкой сводить конфликт к религиозному противостоянию. Ислам сегодня – не варварский фанатизм, а современная сила, противостоящая Западу в его системе координат: экономических, политических и ценностных».

В нашей выстраданной историческим и культурным опытом дагестанских народов концепции регионального гражданского общества важна также идея творчески понятого диалога мировоззрений как основной проблематики VII Российского философского конгресса. Да, сегодня реальный диалог скорее, мягко говоря, соперничество, открытое или скрытое навязывание ценностей Запада и Востока друг другу, их столкновение на уровне диалектической борьбы, конфликта или синергетической бифуркации. Вопреки утверждениям многих теоретиков и политиков – диалог не есть простое отстаивание и консервация своей позиции с толерантностью к другой. Толерантность должна быть результативной, способом прислушивания к позиции чужого, совершенствования своего понимания и подхода. Результат диалога и полилога должен вылиться в гибель категоричных противоположностей, в снятие, трансформацию обслуживающих глобализированные сферы человеческого общежития ценностей, в первую очередь фундаментальных идеалов – свободы, прав индивида и социума, целевой и ценностной рациональности, либеральной и консоциальной демократии и др. Этого требует совместное будущее людей, об этом напоминает страшная ночь 13 ноября в Париже.

Но Париж и Франция нам говорят и о том, что пора Европе и США следовать идеологическим и философско-теоретическим выводам французских интеллектуалов конца XX – начала XXI в. Как известно, особый резонанс среди постмодернистов вызвали события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке в связи с взрывом «башен-близнецов». Ж. Деррида заявил о традиционной связи метафизики с политикой, о необходимости философского осмысления терроризма. Его же оценка была лаконичной: «Ни о какой невинности постиндустриального мира перед лицом преступления такого масштаба не может быть и речи: поэтому сочувствие жертвам включает в себя не только тех, кто погиб в Нью-Йорке, но и тех, кто стал жертвой “собственных ошибок” западного мира» [4, с. 241].

По мнению другого философа-постмодерниста Ж. Бодрийяра, внутренние для западной цивилизации «источники аномальной энергии», которую нельзя «приостановить» – «это было бы деградацией устоявшегося образа жизни во всех его излишествах» [5, с. 125], подменяются, искусственно переносятся вовне, политики подбирают им в качестве источников и субъектов зла то СССР, то аятоллу, то ислам в целом. «Весь *современный* мир ислама, совсем не похожий на тот, что существовал в Средние века, мир, который надо расценивать в терминах *стратегических*, а отнюдь не нравственных или религиозных, сего-

дня стремится создать пустоту вокруг западной системы (включая и страны Востока), пробивая время от времени единым действием или словом в этой системе бреши, через которые все наши ценности проваливаются в пустоту» [6, с. 153].

Ж. Бодрийяр сравнивает теракт в Нью-Йорке с Четвертой мировой войной. Если Первая мировая война положила конец эре колониализма, Вторая разрушила фашизм, а Третья, принявшая форму холодной войны, привела к распаду коммунизма, то Четвертая мировая война впервые столкнула глобализированный мир с выделяемыми им же «антителами». Здесь мир сопротивляется собственной глобализации; здесь формируется террористический ответ на терроризм нового мирового порядка» [4, с. 243]. Изменение мирового порядка – ныне прерогатива Запада. Надо пересматривать, уважаемый президент Ф. Олланд, не только конституции ведущих стран Запада, но и проваливающиеся «в пустоту» ценности, в первую очередь те, которые должны быть идеалами и нормами глобализации, – понимание свободы, приоритет прав и свобод личности, не оправдавший себя мультикультурализм, целевой рационализм, сциентизм и т. п.

Диалог мировоззрений и проблема их толерантности не были единственными сквозными парадигмами уфимского философского конгресса. Многие обсуждения и выступления на секциях были пронизаны идеей евразийства. Тон евразийству опять-таки задал в своем приветствии глава Башкортостана. Вектор евразийства традиционен для Башкортостана, и он уверенно заявил о себе при Р. Хамитове, который позиционирует республику как субъект евразийской интеграции.

Итоги уфимского конгресса будут подводиться еще долго. Но то, что зависело от руководства Башкортостана, от ректора БашГУ Н.Д. Морозкина, от факультета философии и политологии университета, было реализовано на высоком уровне. А образ восточного мудреца в сознании автора статьи пополнился философским портретом заведующего кафедрой философии БашГУ, председателя Башкирского отделения РФО доктора философских наук, профессора Баязита Сабирьяновича Галимова, ставшего для конгресса его душой и движущей силой.

Желающих поехать в Уфу от Дагестана было не менее 30 студентов, аспирантов и ученых. Но сегодня для науки и философии в финансовом отношении настали нелегкие времена. Тем благодарнее мы главе РД Р.Г. Абдулатипову за поддержку апрельской Всероссийской конференции по российскому самосознанию, которую провели на базе ДГУ в 2015 г., за неизменную поддержку – ректору ДГУ М.Х. Рабаданову, спонсорскую помощь – дагестанскому депутату ГД РФ Магомед-кади

Гасанову, когда направлялись посланцы Дагестана в Афины, Санкт-Петербург и другие далекие, но очень нужные для философских контактов форумы. Следующий конгресс, уже в формате евразийском, будет проходить через два года в городе Минске.

Литература

1. Барков Ф.А., Ляушева С.А., Черноус В.В. Религиозный фактор межкультурной коммуникации на Северном Кавказе // Южнороссийское обозрение ЦСРИ и ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 56. Ростов на-Дону, 2009. 250 с.
2. Каширин В.И. Гуманитарная кризисология: истоки и специфика // Гуманитарий Юга России. 2014. № 2. С. 34–46.
3. Чтобы не усложнять материал всеми ссылками на цитаты, автор ограничивается одной ссылкой: Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений : тез. докл. VII Рос. филос. конгресса (г. Уфа, 6–10 октября 2015 г.) : в 3 т. Уфа, 2015. 372 с.
4. Рыклин М. Послесловие. Apocalypse now? // Рыклин М. Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. М., 2002. 270 с.
5. Бодрийяр Ж. Куда же проникло зло? // Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. 4-е изд. М., 2012. 260 с.
6. Бодрийяр Ж. Судьба энергии // Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. 4-е изд. М., 2012. 260 с.

References

1. Barkov F.A., Liausheva S.A., Chernous V.V. Religiozniy faktor mezhkul'turnoi kommunikatsii na Severnom Kavkaze // Iuzhnorossiiskoe obozrenie TsSRI i IPPK IuFU i ISPI RAN. Vyp. 56. Rostov-na-Donu, 2009. 250 s.
2. Kashirin V.I. Gumanitarnaia krizisologiya: istoki i spetsifika // Gumanitarii Yuga Rossii. 2014. № 2. S. 34–46.
3. Chtoby ne uslozhniat' material vsemi ssylkami na tsitaty, avtor ogranichivaetsia odnoi ssylkoi: Filosofii. Tolerantnost'. Globalizatsiia. Vostok i Zapad – dialog mirovozzrenii : tez. Dokl. VII Ros. filos. kongressa (g. Ufa, 6–10 oktiabria 2015 g.) : v 3 t. Ufa, 2015. 372 s.
4. Ryklin M. Posleslovie. Apocalypse now? // Ryklin M. Dekonstruksiia i destruktсия. Besedy s filosofami. M., 2002. 270 s.
5. Bodriiia Zh. Kuda zhe proniklo zlo? // Bodriiia Zh. Prozrachnost' zla. 4-e izd. M., 2012. 260 s.
6. Bodriiia Zh. Sud'ba energii // Bodriiia Zh. Prozrachnost' zla. 4-e izd. M., 2012. 260 s.